

JANA KITZLEROVÁ

Жизнефрения Всеволода Некрасова

Vsevolod Nekrasov's lifephrenia

Abstract. This study focuses on the translation of Vsevolod Nekrasov's poetry into Czech. However, it also considers the more general question of whether it is possible to transpose poetry full of delicate humour, hidden allusions, codes and ciphers into another language in such a way that the reader would not be deprived of the aesthetic impression of the original. Nekrasov's creative and playful poetry poses, at the same time, serious questions and contains hidden messages that should not be ignored by the translator either. The study also points out and demonstrates, using particular examples, that in the process of translation the translator must take the responsibility for the interpretation of the text and must "determine" it to certain extent. This subjective prism then becomes an indispensable part of the reception of translation in the target language area. Specifically, in case of Nekrasov's poetry, the translator must, besides usual difficulties, face also other challenges, such as the translation of neologisms or uncommon realia, which form the basic elements of his verses.

Keywords: Vsevolod Nekrasov, poetry, humour, Russian language, Czech language

Jana Kitzlerová, Charles University, Prague – Czech Republic, jana.kitzlerova@ff.cuni.cz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9536-7515>

Всеволод Николаевич Некрасов (1934–2009) – выдающийся, но, к сожалению, не очень известный в чешской среде поэт¹. Традиционно он считался преемником авангарда², однако, сам Некрасов использовал в контексте своего творчества другое, на наш взгляд, более удачное, определение – концептуализм (Vobrniskaâ). Идея о том, что всякий творческий акт, или

¹ Всеволод Некрасов, к сожалению, пока мало известен чешскому читателю, однако уже были попытки перевода его стихов, которые часто называют труднопереводимыми, на несколько языков. См. перевод его стихотворений на английский (Nekrasov); на немецкий язык (Nekrassow); (*Stichi Vsevoloda Nekrasova v perevodach*, электронный ресурс). На чешский язык его переводили в основном Алена и Ян Махонины (Machoninová, Machonin 131–180).

² Всеволод Некрасов был неутомимым популяризатором Лианозовской школы. Его стихи, написанные на стыке изобразительного и словесного искусств, иногда сравнивают с киносъемкой или киноплёнкой, что неизменно вызывает живой отклик и интерес в среде критиков и литературоведов. См. например, два интервью с Некрасовым (Kulakov 15).

художественный поступок должны опираться на заранее подготовленную концепцию, была той установкой, которую сам Некрасов безоговорочно реализовал в своем творчестве. Основная концепция творчества Некрасова часто строится на пересечении визуального и словесного искусств (Machoninová 2011: 140–165; Machoninová 2006: 175–194), что, безусловно, тоже вызывает трудности при переводе его произведений, но, как нам кажется, не самые значительные.

Настоящая статья пытается ответить на следующие вопросы: возможно ли перевести стихи Некрасова на другой язык и, что самое важное, возможно ли сохранить в переводе весьма тонкий, зачастую скрытый юмор, который является неотъемлемой частью его творчества? Мы постараемся ответить на эти вопросы, проведя переводческий анализ трех стихотворений Некрасова³, первое из которых было написано в 2000 г., а два других – в 2002 г. Первое произведение построено на языковой игре, объектом которой стали аббревиатуры, очень характерные для русскоязычной среды⁴. Стоит сказать, что некоторые аббревиатуры еще в советские времена зачастую вводили в недоумение многих носителей языка. Засилье аббревиатур не могло остаться незамеченным и нашло свое отражение в литературе, а также послужило источником шуток и каламбуров. Два следующих стихотворения можно охарактеризовать как авторские размышления о жизни, о той реальности, с которой каждый должен справиться по-своему. И Некрасов справляется – с легким ироничным подходом, свойственным для его поэзии.

Прежде, чем обсуждать вопрос перевода стихов Всеволода Некрасова, возможно, стоит попытаться кратко охарактеризовать его творчество в контексте сформулированных выше вопросов. Другими словами, мы постараемся определить, какие именно особенности творчества этого автора могут стать причиной переводческих проблем (подробнее: Kitzlerová et al. 52–77).

В первую очередь, встает вопрос сохранения юмора, иронии и сарказма, присутствующих в стихах Некрасова. Речь идет о тонком языковом юморе, скрытой, даже закодированной игре намеков⁵, которые зачастую могут быть потеряны в процессе перевода в тех случаях, когда переводчик или

³ Для исследования были выбраны стихи, которые в силу своей специфики предъявляют повышенные требования к переводчикам и, насколько известно, так и не были переведены на другие языки.

⁴ Множество аббревиатур является очень типичным и для других стран с коммунистическим / социалистическим прошлым, в чешской среде они также служили источником шуток. Например, в Чехии возникла популярная песня (см. YouTube) с названием „Zkratky” (Mládek 1981).

⁵ Всеволод Некрасов в своих стихах применял определенные коды на протяжении всей своей творческой жизни. Интересно, что в его стихах 1990-х и в начале XXI века, то есть во время политической и общественной свободы, когда обстоятельства уже не заставляли

сам не идентифицирует их, или не находит способов адекватно передать эти характерные черты кодом другого языка так, чтобы они были понятны и читателям перевода⁶. Для поэзии Некрасова типичными являются два способа выражения юмора: во-первых, это языковой параллелизм, повторение, часто на грани абсурда. Это повторение в его стихах постепенно перерастает в каламбур, а кроме того, Некрасов часто создает своеобразные микрокаламбуры, не редко всего на две лексические единицы, основанные на звуковой ассоциации, например: *газпром – образом – гадством – государством*. Эти микрокаламбуры открывают перед читателем новые параллели, и являются источником юмористического эффекта. Второй способ – это игра слов. Некрасов работает с одним корнем или звуковой близостью нескольких слов, образуя ряд производных слов, которые из-за своего часто противоречивого значения вызывают тревожные ассоциации, или, как и в первом случае, имеют юмористическую коннотацию: *жить – нежить, шизофрения – жизнефрения*.

Первым примером стихотворения, которое, на наш взгляд, представляется трудным для перевода как раз из-за упомянутых выше микрокаламбуров и обилия сокращений, является стихотворение 2000 года. Уже эпитафия к этому стихотворению о многом говорит читателю: *Владимир Иванович, так нас с вами в ГУМ заберут*. Сама цитата представляется нам самой легкой частью стихотворения с точки зрения переводческих решений, потому что аббревиатура *ГУМ* существует в чешском языке в тождественной форме и склоняется, как и в русском языке, в родительном падеже единственного числа: *do GUMu*. Эта аббревиатура в русском тексте отсылает нас к другой аббревиатуре, *ГУЛАГ*, и ее форма в чешском языке также идентична русской и также склоняется в родительном падеже единственного числа: *do GULAGu*. Можно предположить, что родительный падеж, который, вероятно, придется использовать в чешском переводе, также усиливает звуковой параллелизм благодаря идентичным окончаниям у этих двух аббревиатур. Возможный чешский вариант перевода эпитафия тогда звучит так: *Vladimire Ivanoviči, asi nás oba posadí⁷ do GUMu*.

Некрасова кодировать стихи или издавать их за границей или в самиздате, мы продолжаем видеть некий шифр в его произведениях.

⁶ Роль переводчика сложна, переводчик должен сначала расшифровать текст оригинала, последовательно „закодировать” его языковыми средствами другого языка так, чтобы результат максимально соответствовал исходному тексту (Levý 42–81). К данной проблематике ср. также (Hrdlička 11) и (Fišer 82–85). Исер также обращает внимание на тот момент, когда переводчик в процессе перевода должен принять на себя обязательство и определить („dourčit”), как правильно читать и воспринимать стихотворение (Iser 39–62).

⁷ Мы считаем, что не совсем точный чешский эквивалент глагола *забрать* – *posadit* = *посадить* (прямой эквивалент) здесь более уместен, так как в своем переносном значении

Все это стихотворение построено в основном на сокращениях, которые образуют пары слов, в чем и состоит языковая игра. Этот прием чаще всего непереводим при помощи полных эквивалентов (аббревиатур) главным образом потому, что не все сокращения понятны чешскому читателю. Решение, которое, возможно, обеспечит такое же эстетическое впечатление, какое вызывает оригинал, состоит в том, чтобы найти подходящие слова, которые образуют с более известной в чешской среде аббревиатурой рифмованную пару. Этот эквивалент не может быть выбран случайно, он, конечно же, должен согласовываться с идеей всего произведения. На этом этапе переводчик должен занять четкую интерпретационную позицию и принять окончательное решение, как „читать” данное стихотворение. Если он решит выбрать в качестве второй лексической единицы этой пары аббревиатуру, тогда будет акцентирована абсурдность стихотворения, заложенная автором, заключающаяся в обилии сокращений, но в этом случае велика вероятность пожертвовать понятностью текста перевода. Другая возможная стратегия – подобрать иной, не аббревиатурный эквивалент так, чтобы подсказать читателю, какую организацию или учреждение данное сокращение называет (называло), и какое место в русском (советском) обществе имеют (имели) скрывающиеся под ними организации. С нашей точки зрения, второе решение более оправдано главным образом потому, что современный чешский читатель, т. е. не специалист-русист, уже не полностью ориентируется в подобного рода сокращениях. Так, например, предлагается следующее решение: *ČEKA nečeká* (не подождет), *GPU nakoři* (надавать пинков), *NKVD jenom kvete* (просто процветает), *z KGB zebe* (зябнет). Проблема поиска параллельных рифмованных эквивалентов касается не только перевода сокращений. Приведем другой пример с парой слов *бьяка всякая*. Данная задача уже не представляет такую сложность, в чешском языке можно употребить полный эквивалент существительного *бьяка* – *fuj* и к нему подобрать рифмованное слово, которое усилит представление чего-то отвратительного, например существительное *hnůj* (навоз).

Еще одна важная задача переводчика – найти подходящие рифмованные эквиваленты для перевода микрокаламбуров: *газпром* – (*образом*) – *гадством* – *государством*, создающие на основе звуковой ассоциации ряд, который в какой-то мере навязывает представление о соединении государства и крупной фирмы, связанной с попытками России осуществлять свое влияние

употребляется и в чешском языке и тем самым вызовет у чешского читателя ассоциацию с тюремным заключением.

за пределами ее территории⁸. Эту связь Некрасов однозначно осуждает, употребляя существительное *гадство*. Вариантом перевода этой части на чешский язык может быть: *GAZPROM // jímavé to dno*⁹ (трогательное дно / бедность) // *svinstvo jenom* (только гадость) // *se státem zajedno* (заодно с государством). Из предлагаемого решения ясно, что не удалось сохранить однословную форму оригинала. Ради рифмы пришлось расширить структуру стихотворения на несколько лексических единиц.

<i>Владимир Иванович, так нас с вами в ГУМ заберут /из чьих-то воспоминаний о К.С. Станиславском, якобы путавшем советские сокращения/</i>	<i>Vladimíre Ivanoviči, asi nás oba posadí do GUMu /něčí vzpomínky na K.S. Stanislavského, který si údajně pletl sovětské zkratky/</i>
чека вечака гепеу огепеу эмведе энкаведе эмгебе и кагебе бяка всякая	čeka nečeká gpu nakopu nkvd jenom kvete z kgb zebe fuj hnůj
ну думали уже все буквы испробовали	mysleli, že už zkusili všechna písmena
а вот и нате вам	tak hele
эфесбе газпром	fsb gazprom
и чем это он у нас занялся тут чем таким отличился трогательным образом	do čehopak se tu pouští v čem je jiný jímavé to dno
судя по всему солидным гадством	podle všeho svinstvo jenom
заодно с государством 2000	se státem zajedno 2000

⁸ Ср: „Extralingvistický kontext významu, jak známo, je sociálně psychologicky a fyzicky (tj. geograficky apod.) podmíněn; má svou stránku objektivní (např. realie, aluze apod.), sdělitelnou a verifikovatelnou, a stránku subjektivní (individuálně asociativní a emotivní složky významu), jež je nesdělitelná a jejíž interpretaci nelze verifikovat“ (Kufnerová 239).

⁹ Слово *dno* в чешском языке часто используется метафорически для обозначения чего-то бедного.

Второе стихотворение с точки зрения переводчика заключает в себе две трудности¹⁰: первая проблема – это перевод обценной, зашифрованной Некрасовым фразы *Ни х\$я!*. Это восклицание можно интерпретировать как свидетельство удивления и в какой-то степени даже радости лирического субъекта по поводу того, что *А Кабаков-то Илья // Живой остался*. Для сохранения уровня экспрессии ее нужно было бы переводить аналогичным чешским восклицанием. Хотя слово *chuj* также существует в чешской среде, прежде всего регионально¹¹, нельзя найти такой оборот, в котором оно могло бы быть употреблено в данном контексте. Вообще нелегко найти в чешском языке похожее восклицание, которое выполняло бы ту же эмоциональную функцию и одновременно соответствовало экспрессивности русского оригинала. В чешской среде самой распространенной подобной фразой является „*Ty vole!*”. Этот оборот благодаря высокой частотности употребления не несет никакой смысловой нагрузки и не очень сильно экспрессивен, на уровне русского „*Ей, чувак!*”. Другой вариант „*To mě poser!*”¹² является более выразительным, поэтому, на наш взгляд, и более подходящим. Приведенные переводческие варианты еще раз подтверждают уже много раз доказанный учеными факт, что чешские вульгаризмы являются анально-экскрементальными, в отличие от русской языковой среды, где преимущественно используются сексуальные (Mokienko 50–73; Il’jasov 198–204).

Вторая трудность – перевод окказионализма, существительного *жизнефрениа*, который возник в результате авторской модификации слова *шизофрениа*. Совершенно очевидно, что переводчик должен попытаться создать подобный окказионализм на аналогичном принципе в целевом языке и, в идеале, с сохранением второго компонента (*fren*), возникшего от греческого слова со значением *ум*. Следующая задача – сохранить звуковое и морфемное совпадение с оригиналом, то есть с окказионализмом Некра-

¹⁰ Поиск чешского эквивалента рифмы при переводе этого стихотворения не вызовет больших трудностей; в чешском языке, как и в русском, глаголы *жить* и *идти* рифмуются.

¹¹ Ср. *chuj* – Český národní korpus: www.korpus.cz

¹² В чешском переводе также можно было бы применить „шифрование” с использованием неязыковых знаков, которое, как и в оригинале, не мешало бы пониманию фразы, например: „*To mě po...!*” или „*To mě pos*r!*”. К проблематике поиска оптимального варианта в переводе ср. также Kufnerová: „Aby mohl překladatel básně vybrat z daných možností systému jazyka, do něhož překládá, ze všech tří hledisek (sémantického, stylistického i pragmatického) optimální varianty, které by receptorovi překladu básně zprostředkovaly dojem totožný nebo nejbližší možný dojmu, který vyvolává originál, musí především dokonale dešifrovat a interpretovat obsahovou i formální stránku originálu. To znamená, že překladatel znalý lingvisticko-poeticko-kulturního systému jazyka originálu se musí u každého z počínů autora (k nimž patří nejen záměrné obsahové složky, ale i formální zvláštnosti, zvláštnosti zvukové stavby verše) ptát, proč je to právě tak, co je v konkrétním výrazu i obraze zvláštního a individuálního, co je funkční (Kufnerová 240).

сова. В чешском языке можно сконструировать несколько эквивалентов, но все они будут иметь определенные недостатки, которые в результате приведут к неизбежным потерям в переводе. Первые два возможных варианта: *živofrenie* или *životofrenie*. Однако первый из них *živofrenie* благодаря семантике первого компонента *živ* вместе с соединительным гласным *o*, скорее, вызывает ассоциации со всем живым, а не только с самой жизнью. Вариант *životofrenie* кажется более удачным, но он на один слог длиннее, то есть ритмически нарушает структуру стихотворения и немного модифицирует параллелизм, возникающий между словами в русском оригинале. Другое также спорное решение – перевод с использованием окказионализма *bytofrenie*. Первая часть этого существительного возникла от чешского синонима слова *жизнь* – *byti* (существование). Мы считаем этот вариант не слишком удачным по той причине, что опять вставной гласный *o*, необходимый для присоединения второго компонента композита, может ввести читателя в заблуждение, придавая новый смысл композиту, поскольку полученное слово также можно интерпретировать как производное от слова *byt* (квартира).

<i>Я наконец добился того, что совершенно перестал жить... (Кабаков. Статьи)</i>	<i>Nakonec jsem dosáhl toho, že jsem úplně přestal žít... (Kabakov, statě)</i>
<i>...Огромное Шизофреническое сообщение 60-х... (Кабаков. Мемуары)</i>	<i>...Ohromná Schizofrenní zpráva 60. let... (Kabakov, Memoáry)</i>
Огромное Шизофреническое сообщение 60-х Звучащее Приблизительно так <i>Ни х\$я !.. А Кабаков-то Илья Живой остался Что же это получается же Кому-то жить Когда кому-то не жить А кому уже выходит И жизнь не жизнь Но жизнефрения 2002</i>	Ohromná Schizofrenní zpráva 60. let Zněla Přibližně takto <i>To mě poser! Ten, Kabakov, Ilja Zůstal naživu Jak se to někomu podaří Jednomu žít A někdy někomu nežít Někdo by už měl jít A život není život Ale životofrenie 2002</i>

В последнем рассматриваемом тексте, в котором проявляется тонкое чувство юмора Некрасова, автор работает с близкими по звучанию и этимологически связанными словами – глаголом *жить* и существительным

нежить. Именно существительное *нежить* затрудняет перевод на чешский язык, потому что его прямой чешский эквивалент состоит из нескольких слов: *nadpřirozené bytosti*. Ситуации, когда одна лексическая единица в языке оригинала соответствует словосочетанию в целевом языке перевода, нередки. Однако перевод значительно осложняется в том случае, если именно на эти несоразмерные единицы опирается идейное ядро всего стихотворения, или они являются источником языковой игры, языкового юмора, как в выбранном нами стихотворении Некрасова. Если до сих пор в процессе перевода нам удавалось найти близкие или идентичные эквиваленты, – кроме преднамеренного переводческого решения полной замены менее известных сокращений другой пояснительной лексической единицей, – то тут мы вынуждены констатировать, что переводчику, вероятно, придется обратиться к субституции за счет расширения структуры стихотворения. Предлагаемым решением для перевода фразы „или же вы больше желаете / изображать / нежить” может быть вариант: *chcete žít / (nebo) ukazovat, jak umíte / živořit*. Сдвиг произошел на двух уровнях: с одной стороны, предпоследняя строка стихотворения (*изображать*) в переводе значительно расширена лексически – *ukazovat, jak umíte* (*изображать, как умеете*), чтобы можно было присоединить рифмованное слово – глагол *živořit*, имеющее общую этимологию со словом *žít*, и употребление которого является небольшим, но все же сдвигом. Чешское слово *živořit* (бедствовать, влачить) подчеркивает, скорее, образ жизни (бедный), чем русское *нежить*, при помощи которого, по-нашему, Некрасов метафорически изображает пустоту жизни, описывает такую жизненную реальность, в которой человек обитает не как живое существо, а как „*нежить*”.

одно скажите	jedno řekněte
хотите жить	chcete žít
или же вы больше желаете изображать нежить 2002	nebo si přejete víc ukazovat, jak umíte živořit 2002

Итак, мы попытались ответить на вопрос, можно ли перевести стихи Некрасова на чешский язык, не потеряв одну из самых существенных черт стихов Некрасова – его тонкий юмор и иронию, и не лишив читателя того же впечатления, которое испытает читатель русского оригинала, на примере трех избранных стихотворений, демонстрирующих типичные для автора приемы, употребляемые им при создании своих стихотворений.

Ответ, на наш взгляд, не может быть однозначным. Хотя чешский язык в значительной степени близок языку оригинала и, таким образом, позволяет переводчику воссоздать подобную языковую игру, основанную на этимологических, словообразовательных или звуковых принципах близкородственных языков, следует отметить, что полностью эквивалентное переводческое решение с минимумом сдвигов не всегда возможно. Ограничивающим фактором, как мы убедились на примере окказионального слова *жизнефрения*, является более низкая склонность чешского языка к образованию композитов. При сложении двух основ в чешском языке используется вставной гласный *o*, который может существенно менять значение элементов композита и его восприятие в целом, как мы видели на примере двух вариантов перевода слова *жизнефрения* – *živofrenie* и *bytofrenie*. Ограничивающим фактором кроме этого является несоизмеримость по лексическому составу эквивалентов в русско-чешской языковой паре, что иллюстрируется примером перевода рифмующейся пары *жить* и *нежить*. Стилистический уровень в качестве ограничивающего фактора проявляется в области поиска подходящего эквивалента обценной лексики, который бы отвечал замыслу автора на эмоциональном уровне и одновременно в целевом языке соответствовал бы исходной выразительности. Также не менее важными являются затруднения, связанные с переводом реалий. В выбранных нами стихотворениях это касалось аббревиатур, которые Некрасов использует в своих произведениях в связи с его склонностью к поэтике абсурда. В этой связи возникает законный вопрос: может ли чешский читатель так же улыбаться, читая стихи Некрасова, полные кодов, шифров, параллелей, намеков, тонкой иронии и сарказма, как и русский читатель, читающий их в оригинале? Мы отвечаем, что это, хотя и не всегда, но возможно. Успешное выполнение этой задачи требует от переводчика большой изобретательности, знания контекста и глубокого языкового чутья, которыми, конечно же, должен быть вооружен любой хороший переводчик. Иржи Леви в своей книге *Искусстве перевода* (Levý 52) справедливо отметил, что хороший переводчик – это прежде всего хороший читатель, а мы добавим: чувствительный и с чувством юмора.

Библиография

- Bobrinskaá, Ekaterina. *Konceptualizm*. Moskva, Galant, 1994.
- Fišer, Zbyněk. *Překlad jako kreativní proces: teorie a praxe funkcionalistického překládání*. Vyd. 1. Brno, Host, 2009.
- Hrdlička, Milan. *Literární překlad a komunikace*. Praha, Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 1997.

- Il'jasov, Farchad. „Mat v tri hoda (opyt sociologičeskogo issledovaniâ fenomena necenzurnoj brani)”. *Čelovek*, 3, 1990, s. 198–204. Web. 12.05.2021. <http://iliassov.info/article/mat.htm>.
- Iser, Wolfgang. „Apelová struktura textů”. *Čtenář jako výzva. Výbor z prací kostnické školy recepční estetiky*. Red. Miroslav Červenka. Brno, Host, 2001, s. 39–60.
- Kitzlerová, Jana et al. „Básnický experiment jako překladatelský problém”. *Orients Aliter*, 1, 2020, s. 52–77.
- Kufnerová, Zlata. „K současnému stavu teorie básnického překladu”. *Slovo a slovesnost*, 46, 1985, s. 237–242.
- Kulakov, Vladislav. *Lianozovo. Poezie periferie a konkrétní poezie. Poezie je to, co se nezapomíná. Rozhovor se Vsevolodem Někrasovem*. Per. Karel Brávek. *Literární noviny*, 41, 2003, s. 15.
- Levý, Jiří. *Umění překladau*. Praha, Panorama, 1983, s. 42–81.
- Machoninová, Alena. „Ekologie poezie Vsevoloda Někrasova: ticho, které je vidět”. *Svět literatury*, 43, 2011, s. 140–165.
- Machoninová, Alena. „Mlčení minimalistických básníků”. *Svět literatury*, 34, 2006, s. 175–194.
- Machoninová, Alena, Jan Machonin. *Zloději všedních okamžiků*. Praha, Arbor Vitae, 2015.
- Mládek, Ivan. *Zkratky. Poslední leč*. 1981. Web. 26.05.2021. <https://www.youtube.com/watch?v=CMpzQeFKrYc>.
- Mokienko, Valerij. „Russkaja brannaja leksika: cenzurnoe i necenzurnoe”. *Rusistika-Berlin*, 1/2, 1994, s. 50–73. Web. 12.05.2021. <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm>.
- Nekrasov, Vsevolod. *I live, I see. Selected poems*. Per. Ainsley Morse, Bela Shayevech. New York City, Ugly Duckling Press, 2013.
- Nekrassow, Wsewolod. *Ich lebe ich sehe. Gedichte / Ausgewählt, aus dem Russischen übertragen und mit einem Nachwort versehen von G. Hirt und S. Wonders. Vorwort von E. Gomringer*. Münster, Helmut Lang Verlag, 2017.
- „Stichi Vsevoloda Nekrasova v perevodach”. *Polilog, teorija i praktika sovremennoj literatury, elektromyj žurnal*, 3, 2010, s. 138–159. Web. 07.02.2022. http://polylogue.polutona.ru/upload/private/Polylogue_3_2010.pdf.